

М. В. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ, Е. П. НИКОЛАЕВА

Об архивном наследии В. П. Адриановой-Перетц

При изучении архива чл.-кор. АН СССР Варвары Павловны Адриановой-Перетц, поступившего в Рукописный отдел (РО) Пушкинского Дома в 1972 г., почти сразу после ее смерти, обращает на себя внимание одна его особенность: в нем нет случайных материалов. Варвара Павловна не отбирала специально для сохранения свои рукописи, но тем не менее она оставила нам свое научное наследие удивительно цельным. Масштаб ее личности определил и уровень, и разнообразие хранящихся в ее фонде материалов. Хронологически они охватывают период с конца 1910-х по 1972 гг., т. е. с самого начала и до конца ее научно-педагогической деятельности. Однако ранних материалов в этом фонде немного.

Цельность архива Варвары Павловны заключается прежде всего в том, что по нему можно с предельной отчетливостью проследить весь научный (а для Варвары Павловны это значит и жизненный) путь ученого. Выбрав его однажды, она не мыслила себя вне его, и ее верность единственному выбору определяет характер оставшегося после нее рукописного наследия.

Это — черновики многих ее статей и книг, выписки и заметки библиографического характера, большое количество справочных материалов, таких, например, как к разделу о библейских афоризмах и русских посьловицах, написанному для 1-го тома академической «Истории русской литературы» (1941), подготовительные материалы для библиографии древнерусской повести (1940), для книги «Очерки поэтического стиля Древней Руси» (1947), заметки о «Слове о полку Игореве», о «Задонщине», большое количество материалов о русской демократической литературе XVII в., староукраинской литературе и т. д. Это планы, развернутые аннотированные проспекты изданий, осуществленных Отделом (Сектором) древнерусской литературы Пушкинского Дома, где Варвара Павловна в течение сорока лет вела основную научную и почти всю организационную работу; рецензии и отзывы на работы коллег и учеников; выступления на заседаниях Отдела и ученых советах Института русской литературы. Это многочисленные списки древнерусских литературных памятников, сделанные Варварой Павловной начиная со времен ее занятий как члена семинария В. Н. Перетца в древлехранилищах Житомира, Самары, Киева, Твери, Петрограда, Москвы. Например, «Хождение игумена Даниила» (по рукописи XV в. из собр. Веневитинова), «История литовских мучеников» (по рукописи Служебной Минеи нач. XVI в. из собр. Калужняцкого), «Азбука о голом и небогатом человеке» (по рукописи из собр. Щукина), «Сказание Афродитиана» (по рукописям из Синодального собр., № 324 и Мелецкого монастыря, XVI в.), украинская обработка «Жития Феодосия Печерского», Стих об Адаме в нескольких списках XV—XVIII вв. и много других текстов.

Особый раздел архива В. П. Адриановой-Перетц занимает переписка, которую следует рассматривать как органичную часть ее научной работы, — здесь нет «пустых» писем. Эпистолярная культура Варвары Павловны необычайно высока, и это знает каждый, кому доводилось быть ее адресатом.

Корреспондентами Варвары Павловны были М. П. Алексеев, А. М. Астахова, С. Д. Балухатый, Г. А. Бялый, П. Н. Берков, Н. Н. Воронин, Н. К. и А. К. Гудзий, О. А. Державина, Н. П. Колпакова, Д. С. Лихачев, В. И. Малышев и многие другие советские ученые, а из зарубежных коллег — Гюнтер Курт, Велчо Велчев, Иосиф Бадалич, Светлана Матхаузерова, Константин Мечев, Вера Николаевна Бунина и др. Важно отметить, что эта переписка, как правило, двусторонняя, правда, не всегда она сохранилась в равной мере. Так, писем Н. К. Гудзия в архиве Варвары Павловны 33, а ее писем к нему 100. Эта переписка, пожалуй, одна из самых значительных и при почти полном отсутствии в архиве Варвары Павловны материалов личного, биографического характера во многом их восполняет. Но главное — это отражение в ней научной жизни Ленинграда и Москвы с 1934 по 1965 г., год смерти Николая Каллиникова. Он был для Варвары Павловны связующим звеном не только с московскими коллегами — «древниками», но и с временем ее молодости, с семинарием их общего Учителя В. Н. Перетца; память Н. К. Гудзия об этом Варвара Павловна очень ценила. В одной из поздравительных открыток она желает ему по-прежнему держать «высоко марку <...> старой киевской гвардии», в чем до сих пор он, по ее словам, сохранял «неизменно первое место».¹ А позже Варвара Павловна благодарила его за статью о В. Н. Перетце, написанную для журнала «Русская литература»,² в которой, по ее словам, «в полный голос прозвучало напоминание о нашем Учителе. Пусть-ка новоявленные руководители литературной науки поучатся, как надо создавать школы не приказом, а показом».³ К своим товарищам по перетцевскому семинарию Варвара Павловна относилась с особой теплотой и, щедрая в научном отношении со многими, особенно внимательна была к тем, с кем связывала ее молодость. Когда Н. К. Гудзию понадобилась краткая библиография вышедших из печати работ по «Слову о полку Игореве» за последние годы, Варвара Павловна тотчас же откликнулась на его просьбу и быстро, как бы «между делом», загруженная при этом своей собственной работой, прислала ему необходимый список литературы. «А за библиографические справки, — писала она, — можете не благодарить: недаром же мы с Вами из одного гнезда, а потому помочь товарищу не только обязательно, но и приятно».⁴

Переписка В. П. Адриановой-Перетц с Н. К. Гудзием во многом сопоставима с ее письмами А. С. Орлову, хранящимися в фонде А. С. Орлова в ЛО Архива АН СССР, и с письмами Н. П. Колпаковой, хранящимися в РО ИРЛИ (особенно военного периода, когда Варвара Павловна была в эвакуации в Ташкенте, а затем в Казани). Многие положения ее научных работ по древнерусской, староукраинской литературе, фольклору, а также воспоминания о совместной работе с Варварой Павловной ее коллег и учеников находят документальное подтверждение в материалах архива. Д. С. Лихачев писал: «Быть организатором не означало для Варвары Павловны только „возглавлять“. Как организатор Варвара Павловна прежде всего принимала на себя всю черновую работу. Она сама вела переписку с будущими участниками коллективных трудов, обсуждая в своих письмах во всех деталях направление, характер будущей работы, ее основные идеи и т. д.»⁵

Архивные материалы красноречиво свидетельствуют о таких качествах научной деятельности Варвары Павловны, как умение направить работу коллектива в нужное русло, увидеть ее смысл, правильно выбрать аспект исследования. Например, говоря на заседании ученого совета

¹ РО ИРЛИ, ф. 728, письмо 1962 г.

² РЛ. 1965. № 4.

³ РО ИРЛИ, ф. 728, письмо от 21 июля 1963 г.

⁴ Там же, письмо от 18 декабря 1934 г.

⁵ Лихачев Д. С. Варвара Павловна Адрианова-Перетц — организатор исследовательской работы // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 3.

ИРЛИ о перспективах работы Отдела древнерусской литературы в 1953 г. (сохранились тексты этих выступлений), Варвара Павловна отмечала важность сплочения всех научных сил вокруг больших теоретических тем, и это должна была быть, по ее мнению, такая работа, которая давала бы возможность именно методологического объединения исследователей. Особое значение придавала В. П. правильному планированию такой работы: «Мне кажется, — говорила она, — что при планировании собственной работы мы не всегда ставим себе необходимый вопрос: а зачем нужна выбранная тема, чему поможет ее разработка? В какую из основных проблем она вливается? Постановка перед собой этих вопросов поможет каждому из нас критически оценить правильность выбора темы».⁶

К этому времени, т. е. к 1953 г., Варвара Павловна имела за плечами неоценимый опыт работы по написанию отдельных глав и редактированию академической «Истории русской литературы», задуманной Институтом еще в 1936 г. Фактически и вся трудоемкая работа по планированию и разработке проспекта издания пала на плечи Варвары Павловны. «Президиум АН хочет, — писала она Гудзию еще 24 января 1936 г., — чтобы к концу года мы всем Институтом приготовили развернутый подробный план „Истории литературы“ от Владимира Святого до Владимира Маяковского и даже дальше. Теперь войдите в наше печальное положение. 750 лет, по крайней мере, придется на долю удивительной парочки — Орлова и меня. Есть о чем призадуматься». И далее: «Мы хотим все начинать сызнова. Но для этого прежде всего надо иметь основательную историческую схему». В письмах к Н. К. Гудзию проходит вся история работы Варвары Павловны над этим грандиозным изданием. О ее мыслях по поводу периодизации литературного процесса XVII в. (а она писала весь раздел по литературе XVII в.), отразившихся в этой переписке, рассказала Н. Ф. Дробленкова в статье «В. П. Адрианова-Перетц — преподаватель и редактор».⁷

Размышления Варвары Павловны об общественно-литературном значении XVII в. в России корректируются письмом к А. С. Орлову⁸, написанным в 1941 г., когда разделы о XVII в. не были еще полностью написаны, но глубоко продумывались исследовательницей: «Вот пока какие возникли у меня соображения по поводу этой второй половины XVII в. Нельзя, как было предположено в нашем печатном плане, ограничиться делением тома на две части: до 1640-х гг. и отсюда до конца. Самое сложное — это как раз вторая половина века. Я еще раз переглядела весь литературный материал и вижу, что с 70-х гг. ясно ощущается какой-то перелом: ведь все переведенное из повестей падает именно на 70 и 80-е гг. Затем — и романтические повести, и плут Скобеев — все это тоже на грани XVII и XVIII вв. Объединить под рубрикой „Бытовая повесть“ Савву Грудцына и Фрола Скобеева — значит по существу ничего не объяснить. Если же мы разнесем эти вещи по разным периодам (и многое другое, конечно), то они зазвучат иначе».

Мне думается, что Запад литературный вплотную начинает приближаться к нам именно с 70-х гг. Не поставить ли этот период в связь с делами Западной Европы? Ведь интерес к ним как раз в это время был очень велик, недаром Федору Алексеевичу два раза в день подавали «Куранты». Это же время, насколько я припоминаю, больших дел Людовика XIV, подготовки борьбы за испанское наследство, а в Англии — реакция и назревание второй революции. Вместе с тем и за граница очень интересуется нами как раз в эти годы. Помню, где-то я читала, что даже Симеона Полоцкого чуть ли не на английский язык переводили. Все-таки ведь инициатива переводов западных л и т е р а т у р н ы х памятников

⁶ РО ИРЛИ, ф. 728, протоколы ученого совета.

⁷ ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 26—32.

⁸ ЛО ААН, ф. 763, письмо от 19 мая 1941 г.

исходила сверху, т. е. от тех кругов, которые знали, что творится в Европе. Да и такие герои, как Фрол, это уже предвестие, если не начало нового времени. Он мне что-то начинает напоминать Меншикова („из грязи в князи“ и вообще „мне всё-де можно“). Итак — для излюбленной Мих(аилом) Осиповичем „демонологии“, очевидно, надо отвести особое место и отделить по-настоящему новое».

Варвару Павловну заботило, что авторский коллектив задумываемого издания был слишком малочислен. Она писала Н. К. Гудзию о замысле этой работы в 1936 г.: «Вообще ощущается, как все это надо сделать, а вот как это сможет одолеть в короткий срок такую уйму, не знаю. Людей нет». Вот почему, как только был разработан план, Варвара Павловна сразу же предложила участвовать в этой работе некоторым и внеинститутским тогда ученым, в первую очередь Д. С. Лихачеву и Н. К. Гудзию: «Эх, кабы Вы могли достаточно обеспечить себя древней литературой! Нашего бы полку прибыло. А то ведь хоть караул кричи. А у меня просто сил не хватает все брать на себя».

Осенью 1936 г. она вновь пишет Н. К. Гудзию: «Мне придется в будущем году работать еще по группе XVIII в., которая подбрасывает мне петровскую литературу. Здесь я имею полномочие подбирать сотрудников. Не хотите ли для истории литературы взять какой-нибудь отдел петровской эпохи?». Гудзий тогда уже много времени отдавал занятиям русской классической литературой XIX в. и не мог полностью включиться в предлагаемую ему работу. В этой связи Варвара Павловна сетовала: «Все же вгрызаться в материал сырой необходимо непрерывно, чтобы стержень оставался прочный, а Вы уходите больше в XIX век».⁹ Приступая к написанию глав о житийной литературе домонгольской эпохи, она снова обращается к Н. К. Гудзию: «Вы уж, соколик, временно переключитесь от Анны Карениной к нашей святости и помогите ее подсвежить».¹⁰

В письмах к Н. К. Гудзию Варвара Павловна обсуждает вопросы зарождения и развития местных литературных традиций, особенностей памятников XIII в. (Моление Даниила Заточника), Степенной книги, переводов Максима Грека. Она заботится о высоком научном уровне издания: «У меня мелькает даже идея, не протащить ли через научно-популярную серию АН небольшой справочник для всех трех томов с основной библиографией по всем разделам? Но это будет трудно».¹¹

И в последующие годы, когда написание «древнерусских» томов «Истории русской литературы» было завершено, Варвара Павловна продолжала делиться с единомышленниками и прежде всего с Н. К. Гудзием всеми важнейшими замыслами работ Института и Отдела древнерусской литературы. Задумывая в Казани во время войны большую работу на будущее по исторической поэтике, Варвара Павловна, кратко изложив ее основные направления, тут же обращалась к Н. К. Гудзию: «Итак, вдвигайтесь и приглашайте своих древников!».¹²

Ей всегда хотелось видеть в своих коллегах-«древниках» прежде всего именно единомышленников, людей, осознающих, что они делают общее дело. Этому научила Варвару Павловну школа семинария В. Н. Перетца. В ее представлении наука всегда была едина, и она болезненно ощущала искусственность расчленения научных сил на ленинградскую и московскую группы. Это ведь потом именно Варвара Павловна сделала направление работы ленинградских филологов-«древников» ведущим в науке. А в 1938 г. она писала Н. К. Гудзию: «Эх, трудно это деление сил. Пусть даже в разных городах, но надо бы уже координировать нашу работу, а не конкурировать друг с другом».¹³

⁹ РО ИРЛИ, ф. 728, письмо от 9 января 1937 г.

¹⁰ Там же, письмо от 12 декабря 1937 г.

¹¹ Там же, письмо от 30 ноября 1940 г.

¹² Там же, письмо от 12 сентября 1943 г.

¹³ Там же, письмо от 18 марта 1943 г.

Архивные материалы показывают отношение Варвары Павловны к работе, ее удивительную трудоспособность и умение отдать делу все время и силы, которых было не так уж много; поэтому кроме познавательного архив Варвары Павловны имеет большое воспитательное значение, особенно для тех, кто не имел счастья знать ее лично. Ни в одном письме, написанном даже по частному поводу, нет ни единой жалобы на здоровье или просто усталость, на круговорот дел. Понятие суеты было чуждо Варваре Павловне, а успевала сделать она очень много, гораздо больше, чем вечно жалующиеся на нехватку времени люди. И это очень хорошо видно на материале ее архива. А если в письмах друзьям и проскальзывал намек на плохое самочувствие, то всегда с легкой самоиронией, причем сразу же добавлялось, что всегда в такие минуты выручает работа: «Спасибо за поздравление и теплые слова о моей работе. Она была скромной, и если ее можно ценить, то разве за то, что последние 25 лет я отдала ей все силы, какие у меня еще оставались».¹⁴ «Без дела жить трудно», — пишет она в другом месте. Или: «Пока могу работать — не ропщу»; «Плоть моя трещит по всем швам, а работать еще хочется». Вот выдержка из письма тому же Н. К. Гудзию: «Действительно — последние десять лет не дают мне передышки. Что касается „стойкости“, то в ней и мое спасение и моя беда. Благодаря ей в такие тяжкие периоды я нахожу силы спастись в работе, но она же худо отзывается на моих несчастных нервах. Недаром главный из лечивших меня 12 лет врачей советовал мне: „Бейте побольше тарелок, лучше будет здоровье“. Но бить тарелки надо уметь — а характер не позволяет мне научиться этому искусству. В итоге я сейчас очень много работаю. . .».¹⁵ Самому Николаю Каллиниковичу Варвара Павловна желала «здоровья такого, чтобы еще можно было поработать. Это, по крайней мере меня, — писала она, — еще держит на поверхности».¹⁶

Начиная работу, Варвара Павловна умела видеть ее целиком и всегда стремилась довести до логического конца — до выхода статьи или книги в печать. Ее огорчало, что эта завершающая, итоговая стадия проделанного труда часто откладывалась по далеким от научных соображений причинам. «Ослабела что-то наша Академия, — писала она в 1959 г. Н. К. Гудзию, — а для чего же тогда институты, если работы сотрудников вылеживаются в шкафах, пока не дойдут до печати. Это же не вино. . . Да и трудно требовать своевременного представления работы, если автор знает, что она обречена на хранение в шкафу. Это вот вчера негр из глухого угла Африки по телевидению рассказывал, что у них пока печатать не на что и они берегут в рукописях свои труды».

Самой Варваре Павловне в высшей степени были присущи предельная научная добросовестность и научная честность. Только интересы дела руководили ее отношением как к собственным, так и к чужим работам. Она не могла изменить что-либо или написать в угоду конъюнктуре. Обещая прислать Н. К. Гудзию из Казани свою заключительную ко всем томам «Истории русской литературы» статью, Варвара Павловна сообщила: «Пришлю Вам экземпляр для замечаний. Это очень трудно, особенно сейчас, когда Пав<ел> Ив<анович> <Лебедев-Полянский> диктует рецепт: „национальность, самобытность, патриотизм, ненависть к врагу“. Но я писала до получения этого рецепта, по совести».¹⁷

Архив отражает и внимание Варвары Павловны к неопубликованным или незавершенным работам своих предшественников. Так, в 1957 г. она просила посредничества Н. К. Гудзия в издании одного из трудов А. А. Шахматова: «Не захочет ли Комиссия по истории филологической науки напечатать замечательное исследование Шахматова о житиях Владимира — листов 15—16? До 17 г. ОЛДП напечатало из нее 10 лл. и

¹⁴ Там же, письмо от 28 марта 1959 г.

¹⁵ Там же, письмо от 3 сентября 1946 г.

¹⁶ Там же, письмо осени 1964 г.

¹⁷ Там же, письмо от 16 декабря 1943 г.

выдохлось. Ненапечатанная часть еще в 28 г. была у них < . . . > Напечатанные 10 лл. есть в оттиске у меня». Действительно, среди бумаг В. Н. Перетца в Рукописном отделе ИРЛИ был обнаружен этот труд Шахматова — текст «Жития», подготовленный по 130 спискам, так и оставшийся пока в гранках.

С той же заботой Варвара Павловна относилась к научным интересам и трудам младших своих товарищей: Д. С. Лихачева, А. П. Евгеньевой, И. П. Еремина и др. Она всегда старалась поддержать их и оградить от несправедливых оценок их работы. Так, Варвара Павловна защищала своих коллег на одном из заседаний бюро Отделения литературы и языка Академии наук, о чем писала Н. К. Гудзию 7 января 1947 г.: «Я понимаю самокритику, но оплевание людей, честно работающих и пытающихся освежить представление о русском средневековье, — вредное дело. А я была единственная на заседании из нашего Отдела, о котором прямо шла речь, и не могла не вступить за товарищей». С радостью сообщает она Николаю Каллиниковичу о находке В. И. Малышевым в 1946 г. списка «Слова о погибели русской земли»: «На днях вернулся из своих странствий по старообрядческим углам (вплоть до Белой Криницы) Малышев, привез прекрасный список середины XVI в. „Слова о погибели русской земли“. Оно помещено как предисловие к Житию Александра Невского: киноарное заглавие жития, затем киноарное „О“, дальше текст, и без всякой паузы он переходит в Житие. Интересно. Значит, в это время оно во всяком случае ощущалось как предисловие. А заглавия „Слова о погибели“ в этой рукописи нет».¹⁸ Дальше Варвара Павловна добавляет: «. . . к сожалению, Институт не получил ни одной новой штатной единицы, и мы не можем включить Малышева в свой Отдел, а он как раз сейчас демобилизуется: три раны, четыре награды. А по-прежнему интересуется в жизни только древней литературой».¹⁹

Археографические занятия В. И. Малышева Варвара Павловна всемерно поддерживала — в этом сказалась ее верность источниковедческой школе В. Н. Перетца. Планируя, например, работу на пятилетку 1951—1955 гг., она внесла в план Отдела древнерусской литературы и такой пункт: «. . . держать связь с архивохранилищами, публикуя сведения о вновь найденных материалах, вести планомерное обследование неописанных собраний государственных и частных архивов, выявлять на местах очаги хранения рукописных материалов».

Особый раздел в архиве Варвары Павловны составляют материалы В. Н. Перетца — ее Учителя, Друга, Мужа. Эти материалы гораздо полнее в биографическом отношении, чем ее собственный архив, в который они органично входят. Для Варвары Павловны они были самой дорогой частью ее архива, поэтому ее материалы и материалы Владимира Николаевича следует рассматривать в единстве; разделять их можно только формально. Вся научная деятельность Варвары Павловны — это верность заветам своего учителя, это стремление сохранить максимально полно все, что не должно пропасть для науки. Поэтому здесь рукописи ранних работ Владимира Николаевича, его отзывы, рецензии, библиографические материалы, даже ранние драматургические сочинения, дневники, воспоминания, стихи. Но обзор фонда В. Н. Перетца — тема отдельной работы.

Трагические события коснулись судьбы замечательного ученого и, естественно, судьбы и Варвары Павловны. В. Н. Перетц 11 апреля 1934 г. был арестован по ложному обвинению в участии в националистической контрреволюционной организации. В июне он был выслан на три года в Саратов (но без поражения в правах), а в конце 1934 г. лишен звания академика двух академий — СССР и УССР. Несмотря на то что Академия наук ходатайствовала перед Верховной прокуратурой и Владимиру Нико-

¹⁸ Там же, письмо от 27 января 1946 г.

¹⁹ Там же.

лаевичу был обещан пересмотр дела, после событий 1 декабря 1934 г. (убийства С. М. Кирова) пересмотр был приостановлен. В. Н. Перетц послал письмо Сталину, на которое не получил ответа, прошение на имя председателя ВЦИК СССР М. И. Калинина и письмо верховному прокурору СССР Вышинскому. Одновременно он отправил рапорт на имя непрямого секретаря АН СССР академика В. П. Волгина. Во всех этих документах, находящихся в архиве Варвары Павловны (часть машинописных копий любезно передана в Рукописный отдел ИРЛИ родственницами Варвары Павловны Л. Н. и О. Н. Адриановыми летом 1988 г.), уже смертельно больной В. Н. Перетц, доказывая всю нелепость выдвинутых против него обвинений, просил о возможности вернуться в Ленинград. Приведем некоторые из этих документов (оба публикуются впервые).

Секретарю Центрального Комитета ВКП(б)
Иосифу Виссарионовичу Сталину

Перетца Владимира Николаевича
бывшего академика Академии наук СССР
и Всеукраинской Академии наук

ПРОШЕНИЕ

11 апреля 1934 г. я был арестован, увезен в Москву и здесь в изоляторе особого назначения пробыл два с половиной месяца. Мне было предъявлено обвинение в вовлечении некоторых очень мало или совсем неизвестных мне лиц в контрреволюционную, националистическую организацию. Двое из них повторили это обвинение в одинаковых выражениях на очной ставке. На мой вопрос, каковы же были цели и задачи этой организации, следователь ответил, что я сам должен знать это лучше. Он настаивал неоднократно, чтобы я чистосердечным признанием своей вины изменил свою участь, обещая возвращение домой. Но я не считал себя вправе даже такой ценой вводить в заблуждение следственную власть и лгать на себя. 22 июня мне был объявлен приговор — высылка на три года в Саратов, причем следователь еще раз предложил мне подписать признание и тем изменить совершенно свою участь. Я отказался и уехал в Саратов. Перед отъездом я подал в коллегия ОGPU заявление, в котором доказывал всю несообразность возводимого на меня обвинения, ссылаясь на свое безусловное общественное прошлое и на почетное положение академика двух Академий, для которого было бы верхом нелепости пускаться в приписываемую мне авантюру — привлекать каких-то совершенно чужих мне людей в организацию с темными целями. Это заявление осталось без ответа.

16 ноября 1934 г. я был вызван из Саратова в Москву в Верховную прокуратуру, и здесь после данных мною прокурору (П. Н. Вишнякову) объяснений мне была 19 ноября объявлена резолюция верховного прокурора Вышинского — «считать приговор условным и разрешать мне вернуться в Ленинград». Мне было предложено до оформления резолюции — недели на две-три — вернуться в Саратов, причем было добавлено, что намечен пересмотр всего дела, по которому привлечен и я.

Вполне понимая, что ряд событий, следовавших за 1 декабря, отодвинул на второстепенный план мое дело, я ждал до сих пор оформления резолюции верховного прокурора. Но в настоящее время состояние моего здоровья таково, что жить мне, по-видимому, осталось очень мало. На почве всех незаслуженных ударов, перенесенных мною за последний год, — арест, обвинение, ужасное по своей невероятности и неожиданности, ссылка, жизнь в непривычных бытовых условиях, без элементарных удобств, отрыв от работы, исключение из обеих Академий, — и следовавших через некоторые промежутки один за другим, — сломалось мое и без того слабое здоровье. За последние два месяца у меня развилась тяжелая грудная жаба, припадками которой — мучительные и длительные — сделали меня совершенным инвалидом. Все это вынудило меня вторично обратиться в Верховную прокуратуру и просить ее ускорить приведение в исполнение хотя бы резолюции 19 ноября и дать мне тем возможность дожить последние месяцы жизни в семье, на попечении жены, в привычной обстановке.

Я вряд ли смогу дожидаться полного пересмотра дела, который снял бы темное пятно с моего честного имени, поэтому я и просил пока верховного прокурора хотя бы вернуть меня домой. Но к Вам я обращаюсь с другой просьбой. Обратите Ваше внимание на это вопиющее по своей несправедливости дело, в результате которого я — как научный работник, бывший еще год тому назад не только способным продолжать свою личную научную работу, но и готовить кадры, которыми сейчас так обеднела наша специальность, — сделался полным инвалидом. Если моя невинность будет обнаружена хотя бы тогда, когда меня уже не будет в живых, то все же это даст по крайней мере

право опубликовать мои законченные научные работы, право, в котором мне сейчас отказывает то учреждение, в котором я проработал двадцать лет.

Более подробно В. Н. Перетц изложил события в рапорте академику В. П. Волгину.

11 апреля 1934 г. я был арестован и увезен в Москву, где пробыл в изоляторе ОГПУ до 26 июня. Через несколько дней по присаде я был вызван к следователю (помощнику начальника политическо-секретного отдела С. М. Сидорову), который, предварительно официального допроса с протоколом, предложил мне «побеседовать» о деле, по которому я был арестован, и подумать о том, какие могут быть за мной преступления. Не зная за собой никакой вины, я тщетно искал хотя бы призрака таковой, но ничего не мог припомнить, а следователь настаивал, — впрочем, весьма любезно, — чтобы я откровенным признанием упростил дело и облегчил этим свою участь, так как он «не имеет ни малейшего желания меня угробить» < . . . >. На это я ответил, что предпочитаю действовать неумно, но честно и не лгать на себя. Я был спрошен о ряде лиц, с которыми либо никогда не встречался, либо встречался за 15 лет — раз пять и то при свидетелях. Я рассказал обстоятельно обо всей моей жизни и работе и охарактеризовал научное значение тех лиц, о которых меня спрашивал следователь, но, к великому его сожалению, ничего не мог сказать об их политической физиономии. Спрошен был о обстоятельствах учреждения Института славяноведения Академии наук СССР и об отношении его к Пражскому аналогичному Институту; о последнем, к сожалению, ничего не знал. После этих предварительных разговоров мне было предъявлено обвинение, которое меня повергло в изумление своею невероятностью: «в активном участии в националистической контрреволюционной организации, находящейся в связи с закордонными интервентами», — по ст. 58, пп. 11 и 4. Когда я категорически заявил, что о подобной организации я впервые узнал по аресте, в Москве, — следователь заявил, что теперь, к сожалению, меня придется «уличить». С этой целью были произведены две «очные ставки». Первая была с сотрудником Академии наук (по Институту славяноведения) В. Н. Кораблевым, вторая — с научным сотрудником Гос. Русского музея В. Г. Кржижановским; оба были последовательно моими преемниками по председательствованию в Ленинградском «Обществе исследователей украинской истории, литературы и языка». Кстати, следователь уверял меня, что в этом обществе наряду с легальной, официальной работой происходила работа какой-то контрреволюционной организации, вдохновителем которой был я! (С обоими названными лицами я никогда с глазу на глаз не беседовал, встречал их только официально, в заседаниях, при свидетелях). Кржижановский же утверждал, будто бы я в 1928 г. «вовлекал его в украинскую националистическую контрреволюционную организацию, пригласив его весной названного года к себе, — тогда как он был единственный раз у меня, когда члены уходящего президиума «Общества исследователей украинской истории, литературы и языка» в начале 1929 г. убеждали его взяться за председательство в этом обществе, так как состояние здоровья вынуждало меня оставить работу в обществе. В. Н. Кораблев показывал на очной ставке, что я будто бы «вовлекал» его в названную организацию вскоре по основании Института славяноведения, что я «панславист», что «националист и русский и украинский!» О сущности и задачах «организации», о методах ее работы Кораблев ничего не сказал, и я так и остался в неведении о них. На мои вопросы об этом следователь только повторял: «Вы это все знаете сами и должны нам рассказать». Конечно, я не мог исполнить этого. В следующей за очной ставкой беседе-допросе я выдвигал возражения по существу. На указание следователя, что показания обоих указанных лиц очень близки друг к другу, вследствие чего их следует признать фактически достоверными, — иначе совпадение необъяснимо, — я возразил, что эти показания своего рода «дымовая завеса» для их авторов, которые надеялись прикрыться моим именем, а сходство содержания показаний объясняется тождественностью наводящих вопросов с упоминанием моего имени. По существу эти показания — фантастические, так как не совпадают с моими общественно-идеологическими установками ни в прошлом, ни в настоящем. Кроме того, надо быть сумасшедшим, чтобы, имея положение академика двух советских Академий наук и сорок два года научной работы, на склоне лет пускаться в авантюры и притом привлекать к этим преступным авантюрам малознакомых людей, какими являются для меня авторы данных против меня показаний. Следователь заявил, что есть и другие данные, но не предъявил их мне и не дал возможности защищаться < . . . >.

Даже в самые трудные времена Варвара Павловна не оставляла надежды издать для советского читателя труды Владимира Николаевича и делала для этого все возможное. «Сейчас у меня большая работа, — писала она Н. К. Гудзию, — Комиссия по истории филологической науки принципиально согласилась издать оставшиеся статьи на темы русско-украинских и украинско-польских связей, продолжающие три выпуска его <В. Н. Перетца> „Исследований и материалов“, изданных ОЛЯ. Мне надо

привести в порядок черновики этих статей, что я и начала делать. Там будет еще листов на 10. Сами понимаете, сколько всякого поднялось опять в душе, когда я прикоснулась к этим работам.²⁰

Одновременно Варвара Павловна стремилась вернуть филологической науке доброе имя В. Н. Перетца. Сразу после XX съезда КПСС она начала хлопоты по его полной реабилитации. Сохранилось ее заявление в Верховную прокуратуру СССР от 20 мая 1956 г. «Издать оставшиеся после мужа научные работы, назвав его снова тем научным именем, которое он с таким достоинством носил в течение последних двадцати лет своей жизни, — писала в нем Варвара Павловна, — единственная цель моей просьбы». Об этих хлопотах она сообщала своему постоянному корреспонденту Н. К. Гудзю тогда же, в 1956 г.: «В свете событий этого года все опять заново переживается. Подала дело в Верховную прокуратуру, известили, что переслали в Л<енингра>д, откуда-де и получу ответ. Но пока — молчание. Найдут ли самое дело, ведь в войну многое исчезло. Одновременно подано и заявление о Сперанском. Но там — только заявление, а я послала и копии с рапорта им в Академию, где подробно изложены все события с 11 апреля до середины июня 1934 г., а затем копию письма Сталину, где добавлен и рассказ о ноябрьском вызове в Верховную прокуратуру. Не знаю, что удастся им найти об этом „деле“, ведь втянули много людей».

А 11 августа 1957 г. Варвара Павловна сообщала Гудзю: «Хочу поделиться своей радостью — все-таки я добилась юридической реабилитации Влад<имира> Ник<олаевича>. Извещение об этом получила накануне Владимирова дня. А ведь тянулось „дело“ 15 месяцев. После того как вопрос о Сперанском отказались пересматривать, очень волновалась. Но вот у меня документ, где значится, что Президиум Ленгорсуда отменил приговор Особого совещания 16 июля 34 г. „за отсутствием в действиях В. Н. Перетца состава преступления“ и признал его „по этому делу реабилитированным“. Нотариальные копии этого постановления послала в обе Академии, чтобы его восстановили в звании действительного члена АН».

Свое страстное желание восстановления правды по отношению к В. Н. Перетцу Варвара Павловна объясняла так: «Конечно, я знаю, что есть еще друзья, в глазах которых события 34 года — чудовищная несправедливость, что какая-то часть „общественности“ искренне разделяет это мнение, но поскольку существует официальный документ, лишивший В. Н. заслуженного звания, я хотела добиться такого же официального признания, что этот документ отменен».

Архив В. П. Адриановой-Перетц содержит многочисленные примеры ее мужественного отношения к жизни, ее понимания истинного назначения ученого, верности однажды избранному пути. О таких людях, как В. П. Адрианова-Перетц, писал Д. С. Лихачев: «Каждый ученый должен обладать благодарностью к предшественникам, уважением к современникам и ответственностью перед будущими учеными. Тогда дело его будет многолетним на земле».²¹ Материалы, оставшиеся в архиве Варвары Павловны, со всей справедливостью подтверждают это.

²⁰ Там же, письмо от 16 октября 1956 г. См.: Перетц В. Н. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII веков. М.; Л., 1962.

²¹ Лихачев Д. С. Прошлое — будущему: Статьи и очерки. Л., 1985. С. 573.